Добавил(а) Administrator
15.06.11 16:30 - Последнее обновление 07.07.11 21:26

Юрий Чудинов руководит рок-лабораторией при ЦДЮТ города Кирова. Рок-музыку играет с 1974 года. Написал около четырехсот песен в разных жанрах. Выступал сольно и с группами в Томске, Одессе, Запорожье, Москве и Подмосковье. Сейчас работает в направлении «прогрессивный рок». В Кирове основал группу «Каждое воскресенье дождь».

Когда поешь не по-русски, дыхание рвется.

- Юрий Александрович, может ли в нашем городе возникнуть по-настоящему мощная и значительная рок-группа, которую любили бы у нас не только за то, что она – вятская, а в России – как раз за то, что она вятская, то есть новая, необычная?

- Возможно, именно потому, что в Вятке рок как жанр еще не осуществился – были лишь предпосылки и выплески («Оберманекен», «Вино»), в это место и надо прорываться. Первым этапом в работе рок-лаборатории было создание устойчивого зала. Второй этап идет сейчас – это запись магнитоальбомов. Третьим будет раскрутка. Зал сделан, причем удивительно быстро – за год. Мы можем выйти и спеть без опасения, что он будет пустым. Доверие возникло у людей, и интерес – устойчивый. Но только запись позволяет обратную связь с аудиторией. Песня рождается не тогда, когда пишется, и не тогда, когда она спета, а только когда появляется в записи. Это двадцатый век. После записи исполнитель несет на сцену определенный…подтекст. А у всех, кто сейчас выходит на сцену, нет такого подтекста, нет айсберга внизу – одна вершина. Нет базы. Они – как бабочки, как листья: ветер дунет – и все…

А крыльям нужна боль. Кто боль испытал? Серьезную? Немногие совершенно. А остальные дурью маются: или игра словами, или игра в звезды. Звездная болезнь. Моя стратегия: на такой город, как наш, нужно сто живых групп, из них тридцать хороших, десять – очень хороших и три – гениальных. Такая пропорциональная зависимость – критическая масса – работает как модель. В том же Ливерпуле времен «Битлз» критическая масса была порядка тысячи. Но почти любая группа из этой тысячи была слабее любой из наших теперешних команд – играть не умели…

У меня такое ощущение, что стоит кому-то по-настоящему дотронуться до вечности – и его разорвет на кусочки…

Сейчас интерес к року на Вятке растет на глазах. Народу возле рок-лаборатории страшное количество крутится – новые, новые, они играть не умеют, но у них желание есть.

- Однако остается впечатление, что мы все здесь живем как в ожидании Годо: вот-вот что-то должно, должно произойти и не происходит…

- Когда я включил здесь своим ребятам песню группы «Постскриптум» на стихи Мохича «Король темноты», ее никто толком не понял. Пара девчонок сидели, слушали…Но ведь эта песня – как ступенька, абсолютное прикосновение к вечному. Как «Yesterday», как почти все песни Башлачева. Это и есть – произошло. Ура. Другой вопрос, что они больше ничего не сделали. Они, может быть, еще сделают, но сейчас их сразу же выбросило – в армию раскидало, уничтожило эту группу, и в Чепецке ничего лучше не произошло. Пока. У меня такое ощущение, что стоит кому-то по-настоящему дотронуться до вечности – и его разорвет на кусочки… Почему не происходит? Как раз происходит. Для этого и нужно, чтобы как можно больше людей были вместе, но ни в коем случае еще не прикасались к вечному. У нас не просто МОЖЕТ произойти, у нас ОБЯЗАНО произойти, и не важно, в каком месте живет человек. Мы все к космосу подключены – абсолютно, равнозначно, и космосу все равно, в какую дверь входить. Он может войти через любую дверь. Еще рано. Всему свое время.

- А как нам быть с нашими корнями? Ведь, обживая в культуре что-то новое, необходимо о корнях помнить, искать, возвращаться…

- Поле русской речи освоено, сегодня никто не сомневается, что петь по-русски можно. Но я говорю: в рок-музыке создан один процент от того, что может быть создано. Огромный слой остается в неприкосновенности. «Битлз» сориентировали всех так жестко, что люди вне определенных созвучий, правил игры не понимают музыку вообще. Слушая индийскую музыку, цейлонскую, корейскую, человек видит совершенно иной мир, и это для него неприемлемо. Только теперь, в 43 года, я смог к Востоку отнестись терпимо: я радуюсь тому, что эта музыка есть, некоторые сочетания меня удивляют. А есть же еще Тибет…

Забвение – это особый вид памяти. На Руси вся история пожарами уничтожена.

И совсем не обязательно, чтобы все, здесь создаваемое, было связано с фольклором. У

нас не осталось никаких представлений о том, как пели, например, гусляры. И музыка во времена Сократа звучала по-другому, и стихи, а ведь греческий язык близок к русскому. Мы же используем западноевропейские методы стихосложения.

Я уже полностью ушел от использования западных ритмов и рифм. Я просто дышу, когда пою. У меня обычное дыхание. Когда поешь по-английски – дыхание рвется. Мы, славяне, дышим по-другому.

- Здешним людям, особенно молодым, особенно творческим, свойственно какое-то бессилие, апатия, отсутствие чувства времени…

- Когда я приехал сюда, я подумал: как тут здорово. А сейчас думаю: может, этот город действительно имеет какую-то ауру обреченности? В Сибири у поэтов, музыкантов есть сила – она волей называется. Но ведь именно здесь нас может миновать та самая сила, я называю ее системой, которая «заботится» о том, чтобы ничего не менялось. Не допускает смены описания мира. Она может проморгать нас именно из-за того, что здесь все выглядит так болотисто. А потом, столица сегодня – мертвая зона.

- А мы сами себя не проморгаем, не упустим?

- Забвение – это особый вид памяти. На Руси вся история пожарами уничтожена. А в Западной Европе все в камне стоит и стоит, как в огромном музее. Там даже ландшафт запечатлен на веки вечные. А у нас и визуально-то не за что ухватиться: сейчас все есть, а завтра не будет, и никто не вспомнит. Постоянное забвение – не беспамятство даже. Но когда есть какая-то особенная вялость, мне кажется: это энергия набирается. Момент отдачи энергии – это момент конца. Запад умирает в блеске.

Музыка – это не специальность. Это мир. Мне кажется, здесь я соприкасаюсь с тайной. Здесь я могу сделать что-то новое. Меня влечет то, чего никогда не было. Чудо.

Надо ломать стереотипы. У меня навязчивая цель – сделать что-то новое, создать альтернативу англоязычности. И это новое должно звучать совершенно по-иному. И встречать отторжение со стороны слушателя. Кант говорил, что всякое новое – это ересь. Новая музыка изначально должна быть не очень-то приглядной. Не благостной.

- В какие-то жизненные моменты даже у людей, которые не играют рок, а только слушают, возникают мысли, что рано или поздно он должен куда-то уйти от рока, вырасти, стать, наконец, другим…

- Для меня рок-н-ролл – второй мир. Не единственный, а параллельный. Я

инженер-гидролог, метеоролог, океанолог, у меня куча всяких основных профессий. Музыка – это не специальность. Это мир. Мне кажется, здесь я соприкасаюсь с тайной. Здесь я могу сделать что-то новое. Меня влечет то, чего никогда не было. Чудо.